

МАЗАН-БАТЫР — ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

БОРИС ЮРЬЕВИЧ СЕНГЛЕЕВ

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

***Аннотация.** Статья посвящена фольклорному образу Мазан-батыра, исторического лица XVII в., известного калмыцкого правителя (тайши) и полководца. Жанровая принадлежность текстов привлекаемых к анализу произведений варьируется от легенд, преданий и исторических песен до текстов ритуально-магического характера; все они рассматриваются как единый цикл.*

Основное внимание в исследовании уделяется выявлению сходства между циклом о Мазан-батыре и эпической традицией в целом. Проводятся параллели с калмыцким эпосом «Джангар» и другой героической поэзией монгольских народов. Анализируется детство героя, борьба за обладание табуном особенных коней. Предпринимается попытка взглянуть на то, как в образах противников героя можно увидеть следы реальных исторических конфликтов, в которых тот принимал участие. Наконец, рассматриваются устойчивые черты образа героя — его образ действий, оружие, сверхъестественные способности, в том числе и те, которые связаны с областью актуальных верований.

На основании полученных результатов делается вывод о заметном сходстве между фольклорно-историческим циклом Мазана и эпической поэзией, а также о согласованном единстве характеристик героя в произведениях различных фольклорных жанров, что указывает на существование наджанрового ядра представлений о герое.

***Ключевые слова:** калмыки, эпос, легенды, предания, исторические песни, Мазан-батыр.*

Калмыки — монголоязычный народ, по своему происхождению восходящий к западномогольским племенам, или ойратам. Наиболее ранние упоминания об ойратах содержатся в «Сокровенном сказании монголов» и сборнике летописей Рашид-ад-Дина. Их прародиной было так называемое Восьмирье (Секиз-мурен, по-видимому, таежные зоны Южной Сибири). Они были достаточно многочисленны, но после некоторого сопротивления склонились перед Чингисханом. В имперский период они были переселены на Джунгарскую равнину.

В XIV–XV вв., во время упадка Монгольской империи, ойраты начинают значительно усиливаться. Пика своего могущества они достигают к середине XV в., во время правления Тогона-тайши и его сына Эсэна. Тогон-тайши формально являлся первым министром (*джингонгом*) при дворе хана Северной Юань, однако в реальности власть была сосредоточена в его руках, в то время как восседающий на престоле Тайсун-хан (его зять) был правителем лишь по названию [Златкин 1983, 32]. Эсэн, сын Тогон-тайши, продолжил

политику отца и, устранив всех своих соперников, провозгласил себя всемонгольским ханом. Однако ему не удалось создать устойчивую систему власти, и после его смерти ойратское владычество прекратилось, а сами ойраты почти на полтора столетия перестали проявлять себя на исторической арене.

Следующий поворотный момент в ойратской истории наступает в XVII в., в бурный период массовых переселений и военных конфликтов, в ходе которого образуются сразу несколько государств. Одним из них является Джунгарское ханство, в котором жили ойраты, оставшиеся в Западной Монголии, другим — Хошудское, расположенное на равнинах, прилегающих к оз. Кукунор, третьим — Калмыцкое ханство, располагавшееся в бассейне Нижней Волги. Третье было создано той частью ойратов, которые, отделившись от остальной массы, начали миграцию на запад и со временем вступили в пределы Московского царства. Присягнув на верность царскому правительству, калмыки получили разрешение кочевать в поволжских степях. Одним из калмыцких правителей того времени и был Мазан-батыр, известный калмыцкий полководец и герой многочисленных фольклорных произведений.

Вхождение калмыков в состав России происходило на фоне длительного конфликта между Русским царством и Речью Посполитой, в котором также участвует Крымское ханство. Для противодействия последнему царское правительство привлекло силы донских казаков и калмыков. Калмыцкие отряды действовали и во время последующей Русско-турецкой войны 1672–1681 гг.

Мазан-батыр проявлял активное участие в военных действиях этого периода. Уже в 1664–1665 гг. тайши Мончак сообщает астраханскому воеводе Г.С. Черкасскому, что тот со своими ратными людьми ходил войной на крымские улусы. Летом 1674 г. Мазан-батыр возглавляет пятитысячное войско калмыков, которое ведет боевые действия под Азовом совместно с отрядами казаков и стрельцов полковника Г.И. Касогова. Им удается нанести большой урон противнику, благодаря чему Мазан-батыр оказывается в числе удостоенных

«царского похваления» [Кичиков 1964, 76]. В 1675 г. он со своими людьми присоединяется к походу за Перекоп кошевого атамана Ивана Серко, тот упоминает его в письме как «калмыцкого Мазин-мурзу¹» [Соловьев 1961, 490]. Продолжал сражаться до конца войны, принимая участия в походе на Крым через Сиваш, сражении под Чугуевом, Чигиринском походе и иных военных операциях.

Образ Мазан-батыра был весьма популярен в калмыцком фольклоре и культуре в целом. Есть свидетельства о том, что само слово «мазан» стало нарицательным, обозначая храбрых и удалых людей [Басаев 2004, 4]. Существует много произведений, в которых он является главным действующим лицом.

Произведения о Мазан-батыре начали фиксироваться довольно рано: к примеру, песня о нем появилась в одной из первых публикаций калмыцкой фольклорной поэзии — «Азиатском музыкальном журнале» И. Добровольского, учителя музыки астраханской гимназии [Коростин 1943, 74]. Исторические свидетельства о нем, в том числе и в сопоставлении с фольклорными, рассматривались в работах М.Л. Кичикова [Кичиков 1964] и М.М. Батмаева [Батмаев 1985]. Различные аспекты фольклорного образа изучались Д.Э. Басаевым [Басаев 2004], Н.Ц. Биткеевым [Биткеев 2005], Б.Б. Оконовым [Оконов 1984] и др. В 2004 г. в Калмыкии была проведена научно-практическая конференция, приуроченная к празднованию 350-летия Мазан-батыра, на которой рассматривались исторические и фольклорные аспекты его жизни. Материалы конференции были изданы в том же году [Мазан-батыр 2004].

Однако основной вопрос данной статьи — о типологических сходствах между эпической традицией и совокупностью произведений о Мазан-батыре — до настоящего времени не становился предметом исследования. Фольклорные произведения о нем не рассматривались как отдельный цикл.

Калмыцкий исторический фольклор представляет собой богатый пласт народной культуры. Исторические жанры представлены в нем прежде всего прозой — легендами и преданиями. У калмыков

¹ Титул, несвойственный калмыцкой аристократической системе, но, вероятно, лучше известный в среде казаков.

существуют различные термины для обозначения этих жанров, в частности *домг* и *тууж*. Первый из них является общим для монгольских народов и, по-видимому, самым древним, он встречается уже в Сокровенном сказании монголов. «Домг» можно перевести как «миф» или «легенда», «тууж» означает «история», «повествование» и применяется чаще для обозначения предания. Однако на практике граница между этими понятиями зыбка. Кроме того, прозаические повествования об исторических лицах также могут называться *келвр* (рассказ), *соңсхвр* (повествование, сообщение) и даже сказка (*тууль*). Впрочем, терминологическая неопределенность не создает принципиальных помех для настоящего исследования, так как нами рассматриваются все произведения об историческом лице, независимо от их жанровой принадлежности.

В историческом фольклоре калмыков представлена и поэзия. Эти произведения чаще всего обозначаются просто как «дун» (песня) и не выделяются в отдельный жанр. Они отличаются от того, что обычно понимается в науке как историческая песня: не повествуют о событиях прошлого с точки зрения фольклора, а представляют собой небольшие поэтические зарисовки различной тематики, насыщенные аллюзиями на известные слушателям исторические события. Часто подобные песни включены в сюжет крупного прозаического текста. В таких случаях они могут быть песенно-поэтическими репликами персонажей, иллюстрировать отдельное событие либо рисовать словесный портрет героя. И наоборот: исполнение песни или даже одна память о ее существовании могут породить пояснения об отраженных в ней событиях, нередко спонтанные и неструктурированные, но иногда приобретающие форму предания.

Материалом для настоящей статьи является совокупность примерно из тридцати текстов, в основном записанных в течение XX в. (самый ранний зафиксирован в 1909 г., наиболее поздний — в 2015 г.). Большая часть из них является прозаическими. Некоторые из них включены в состав крупных произведений, в которых последовательно излагаются различные эпизоды из жизни значительных фигур калмыцкой истории. Последние представляют собой большой интерес, однако их подробное

рассмотрение выходит за рамки настоящего исследования. Кроме того, большинство эпизодов относительно автономны и могут рассматриваться независимо друг от друга.

Наконец, среди изучаемых произведений присутствует несколько текстов, строго говоря, не являющихся историческими, а, по-видимому, принадлежащих к области традиционных ритуально-магических практик. Однако они также связаны с Мазан-батыром и отражают некоторые представления о нем, поэтому их включение в материал исследования вполне оправдано. Все эти произведения могут рассматриваться как фольклорная биография Мазан-батыра, описывающая его рождение, детство, основные свершения, а также кончину и даже посмертную судьбу.

ДЕТСТВО ГЕРОЯ

Исследователи эпоса не раз обращали внимание на феномен так называемого «героического», или «эпического», детства с типичным набором мотивов практически в любом эпосе мира. Этот аспект героической биографии в различных культурных контекстах рассматривали, в частности, В.М. Жирмунский [Жирмунский 1962], Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1968], Ю.И. Смирнов [Смирнов 2010] и С.Ю. Неклюдов. Обратимся к обобщенной характеристике одной из разновидностей «героического» детства из монографии последнего. «Ребенок может выглядеть “не подающим надежд” — со всеми атрибутами, сближающими его с “низким” героем волшебной сказки: отверженность, нечистоплотность, немощность, болезненность, придурковатость, подчас связанная с хитростью и плутовством <...>. Характерна еще одна черта <...> пастушеские занятия героя. <...> Как правило, героическое детство подобного типа завершается скачкообразным переходом в богатырское состояние наподобие финального превращения сказочного героя» [Неклюдов 2015, 63–64].

Детство Мазан-батыра так описано в одном из преданий: отец героя (Очир) погиб еще до рождения сына, после чего его мать поселилась у дяди, который предсказал, что его еще не родившийся племянник будет необычным человеком. Однако Мазан родился слабым и уродливым. Сообщается, что в детстве он был «некрасивым, неуклюжим и ленивым <...>, голова у него была большая как котел. Живот тоже был

очень большой, ноги — тоненькие. Умом, казалось, он тоже не отличался» [Семь звезд 2004, 279].

Но однажды Мазан вместе с табунщиками ведет коней на водопой, где им встречаются «возчики», имеющие при себе телегу, груженную луками. Герой принимается пробовать оружие и неожиданно демонстрирует огромную силу, сгибая даже те из них, которые не может натянуть взрослый человек. Подобрал себе оружие, он покупает его за табун лошадей, после чего становится умелым охотником, а затем и могучим богатырем [Там же, 280]. В другом варианте, представленном, в частности, в литературной поэме Хасыра Сян-Белгина², будущий герой за такую же цену покупает у плотогонов огромное бревно, из которого самостоятельно вытесывает огромный лук [Сян-Белгин 1969, 54].

Очевидно, что описание детства Мазана соответствует одной из типических картин «героического» детства. Присутствуют в сюжете и другие характерные для него мотивы, такие, как чудесное рождение (предсказание о будущем величии), сиротство, покровительство дяди, недооценка героя со стороны окружающих и т. д.

В какой-то мере можно говорить и о присутствии в предании такого характерного для эпической поэзии мотива, как поединок с похитителем скота, маркирующего окончательный переход героя из детского состояния во взрослое. В одном из вариантов сюжета он сливается с мотивом испытания жениха трудным подвигом — типичным для эпоса монгольских народов, в том числе и калмыков (к примеру, он присутствует в песнях о поисках невесты для Джангара и Хонгора). В рассматриваемом предании сообщается, что, когда Мазан возмужал, ему начали искать невесту, однако родители девушки поставили герою условие: угнать табун особенных коней у черкесского богатыря по имени Ишткин-Шора.

Заметим, что борьба за особенный табун (как правило это *марлын чикн адун* — табун коней с маральими ушами) необязательно связана с детством героя или его женитьбой. Чаще всего она

выступает как самостоятельный мотив в легендах и преданиях о взрослой жизни Мазан-батыра.

ЭПИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ

Похищение скота широко представлено в героико-эпических произведениях мира: увод коней Диомеда Гераклом, кража коров Гелиоса Одиссеем, ирландское «Похищение быка из Куальгнне», «Сказание о похищении скота» из четвертой книги Махабхараты, — примеры можно множить. Не является исключением и калмыцкий эпос «Джангар», повествующий о подвигах эпического государя Джангара и его богатырей. Угон скота и возвращение украденного является одним из основных поводов для конфликта между богатырями. В качестве примера можно привести песню об Аля Монхля, сыне Дуучи, внуке Дуктахула, который похищает у Джангара табун огненно-рыжих меринов численностью в 18 тыс. голов. Совершив это деяние, чужеземный богатырь бросает правителю Бумбы вызов следующего содержания:

*Арhta залу билэ,
Ардам некэд ав,
Арh уга билэ,
Аh Шавдлыннь өврт кевт!
(Если способный муж,
Догони и отбери!
Если неспособный,
То за пазухой Ага Шавдал сиди!)³
[Джангар 1990, 77].*

Аля Монхля описывается как исключительно сильный богатырь, сражение с которым равносильно смерти. Однако Джангар и его богатыри отправляются за ним, осознавая, что если не ответят на его вызов, то покроют себя позором. В сражении Аля Монхля удается одолеть некоторых лучших воинов Бумбы (Савара и Санала), однако в конечном счете он сам оказывается побежден Хонгором, после чего табун возвращается к своему законному владельцу.

Процитированные выше слова Аля Монхля разительным образом сходны с вызовом, который адресует Мазан-батыру могучий богатырь из Крымского ханства

² Писатель происходил из семьи известного знатока фольклора и активно использовал традиционные мотивы и сюжеты в своем творчестве; данный сюжет, скорее всего, также взят из фольклора.

³ Перевод Б. Ю. Сеглеева.

в одном из преданий: «Сэн залу болхла, маңһдур удлә Кумн ардк хар толһа деер адуһан иржэ ав! Му залу болхла, баавһаннь хорма дор кевт!» (Если ты достойный мужчина, то приходи завтра на черный холм на берегу реки Кумы, чтобы отбить табун! Если ты негодный мужчина, оставайся дома и держись за подол своей жены!)⁴ [Памятники 2015, 181].

Сюжет этого предания также схож с эпической песней. В нем рассказывается о том, как Мазан-батыр со своими людьми переселяются на земли между Волгой и Доном, где герой начинает разводить коней с маральими ушами. Однако мирную жизнь нарушает крымский хан, который объявляет, что отдаст свою дочь замуж за того, кто сумеет убить Мазана и угнать табун «маральи уши». На его призыв откликается один из прославленных богатырей, который угоняет табун и бросает Мазану вызов. Мазан побеждает его, возвращает табун и велит спутникам чужого богатыря рассказать своему хану о случившемся.

Подобное сходство, скорее всего, обусловлено типологической идентичностью ситуаций. В обоих сюжетах похищение скота направлено на испытание статуса героя, что проговаривается антагонистом, после чего следует конфликт, в котором герою удаётся защитить свой статус и положение. Примечательно, что такая же мотивация может встречаться и в других вариантах сюжета преданий. К примеру, в одном из них Мазан-батыр изначально договаривается со своим противником: тот разрешает ему взять коней с условием, что герой не будет мешать ему забрать их обратно, когда придет время. Однако, когда через несколько лет чужеземный богатырь угоняет табун Мазана и тот, как и обещал, ничего не предпринимает, жена героя догадывается о сделке и говорит: «Теперь мне понятно. Значит, он взял косяк у Ишткин-Шора в долг» [Семь звезд 2004, 281]. Услышав это, Мазан-батыр немедленно собирается и устремляется в погоню.

По вариантам персонажи могут легко меняться ролями: Мазан может быть как и похитителем, так и защитником собственного имущества; диапазон варьирования иных обстоятельств может быть еще шире. Неизменным, однако, остается сам конфликт и то, что противником героя выступает богатырь-иноплеменник, и это

приводит к иной точке соприкосновения между эпическим творчеством и рассматриваемым нами циклом фольклорно-исторических произведений.

ПРОТИВНИКИ ГЕРОЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Согласно одной из классификаций фольклорного эпического творчества, можно говорить о существовании двух видов эпоса: архаического и классического. Первый повествует об событиях мифологического времени, когда мифические и культурные герои занимались очищением людского мира от чудовищ, приводя его в соответствие с современными для носителей традиции условиями. Второй может быть назван «квазиисторическим»: в нем эпическая канва соединяется с реальными событиями, преломленными через призму фольклора, образуя новую модель истории. Предполагается, что классический эпос эволюционировал из архаического в ходе процессов образования государственности и зарождения национального самосознания.

Для подобной «фольклоризации» истории характерно то, что в результате процессов отбора, интерпретации и сжатия продолжительные исторические события (длившиеся много лет и состоявшие из множества эпизодов) отражаются в эпической модели как одно большое событие — крупное сражение или война [Неклюдов 2003, 17–24]. Следы протекания подобных процессов можно увидеть и в произведениях о Мазан-батыре, что также роднит этот цикл с эпическим творчеством.

В этом отношении наибольший интерес представляют упоминания о Крымском ханстве в различных легендах и преданиях о Мазане. В настоящей статье уже рассматривался вариант сюжета предания, в котором крымский хан выступает инициатором конфликта за обладание табунном «маральи уши». Как место действия оно фигурирует и в преданиях о сыне героя — Ямане. Для последних характерна следующая сюжетная структура. В отсутствие отца Яман попадает в Крымское ханство, где сначала оказывается в подчиненном положении у знатного человека (хана, богача и т. п.), но затем демонстрирует свои

⁴ Перевод Б. Ю. Сеглеева.

выдающиеся качества (обычно это способность метко стрелять) и прославляется (в одном из вариантов крымский хан даже делает его начальником своей личной стражи), после чего новости о нем доходят до Мазан-батыра, который понимает, что речь идет о его сыне; герой отправляется к крымскому хану и возвращает Ямана домой. Детали могут варьироваться: в одном из текстов сына героя продают в рабство черкесы, разграбившие улус Мазан-батыра в его отсутствие [Очиров 2006, 52], в другом — во время перекочевки четырехлетнего Ямана сажают на лошадь-трехлетку, шалящие дети бьют кобылу кнутом, из-за чего та убегает, и в конечном счете мальчик случайно оказывается в Крыму [Памятники 2015, 187].

Сюжет предания также в целом близок типичной картине «эпического» детства: герой растет на чужбине, без отца, в угнетенном положении, но затем доказывает свою особую природу, после чего возвышается. Заметим, что Яман был реальным историческим лицом, правителем Эркетеновского улуса и первым зайсангом Калмыцкого ханства, но, по-видимому, фольклорный сюжет никак не связан с его реальной жизнью. При этом сам Мазан-батыр во время своей военной службы часто ходил в походы против крымских татар. Можно предположить, что присутствие крымского хана в фольклорных произведениях о нем обусловлено памятью об этих событиях, которая была трансформирована соответствующим образом: причины конфликта сведены к типичным эпическим коллизиям (обладание скотом, похищение сына), а сам конфликт сведен к поединку между богатырями.

Примечательно, что в другом варианте предания в роли похитителя выступает ногайский богатырь (*хар маңһд баатр*), которого в детстве взял в плен башкирский хан (*иштг маңһд хан*). В конфликт с Мазаном он вступает из-за того, что воспитатель обещает ему жену в награду за угон табуна «маральи уши» [Там же, 158]. В роли противника Мазана также могут выступать татарский богатырь Байхтан-Эретен и Ишткин-Шора (или Ишткин-Улан), обычно ассоциируемый с народами Северного Кавказа. В частности, одно предание изображает его предводителем «воинственных племен» «далеких высоких гор» [Семь

звезд 2004, 283], а в другом он называется черкесским богатырем.

Если проанализировать этническую принадлежность противников героя по вариантам преданий, приходим к выводу, что за ней стоит историческая память о конфликтах, в основном протекавших в период переселения и основания Калмыцкого ханства. Известно, что калмыки в начале XVII в. конфликтовали с башкирами из-за угодий для охотничьего и рыболовного промысла [Маннапов 2008], а также вели сражения против Ногайской орды, вынудив последнюю откочевать в сторону Северного Кавказа [История Калмыкии 2009, 288–291]. Это подтверждает мысль о том, что предание отражает реальные события, но способом, характерным для эпической модели.

Заметим, что имя Ишткин может восходить к *иштгин* (башкирский). Возможно, в связи с тем, что события времен переселения в Поволжье начали забываться, фольклорный противник Мазана был идентифицирован с другой этнической группой, а слово, обозначавшее его прежнюю принадлежность, превратилось в имя.

Так же как и в эпосе, образ противника в рассматриваемых произведениях нередко наделяется необычным и даже сверхъестественными чертами. К примеру, ему часто приписывается неуязвимость, либо обусловленная особой защитной экипировкой (непробиваемый панцирь [Семь звезд 2004, 286]), либо поданная как его имманентное свойство [Калмыцкое 2007, 325]. Типологическая архаичность подобных свойств противника очевидна, и это позволяет предположить, что в данном случае историческая память наложила на сюжет о борьбе героя (необязательно Мазана) с мифологическим существом.

ОБРАЗ ГЕРОЯ

Рассмотрение устойчивых характеристик образа Мазан-батыра начнем с еще одного обращения к «Поэтике эпического повествования» С. Ю. Неклюдова: «Детские занятия, являясь прологом к богатырскому поприщу, также на разных уровнях сопоставимы с ним или противоположны ему. <...> Негативная окраска детства такого типа (“низкого”) подчас довольно отчетливо связана со скрытой исключительностью героя, с наличием у него

магических, колдовских способностей» [Неклюдов 2015, 63–64].

Как было установлено ранее, детство Мазан-батыра относится скорее к «низкому» типу, характеризующемуся слабостью и уродством героя в начале, а затем стремительным переходом в зрелость и преобразованием в могучего богатыря. Вполне закономерным образом фольклорные произведения часто наделяют его волшебными умениями и другими чертами, более присущими «герою-хитрецу», нежели «силачу».

Именно хитростью Мазан-батыр побеждает своего неуязвимого противника: он целится в небо (в варианте пускает в небо стрелу), чем удивляет другого богатыря и заставляет его поднять голову, открывая свою шею и позволяя Мазану обезглавить его стрелой. Часто говорится о том, что шея является единственным уязвимым местом на теле противника, — вполне очевидно, что это мотив, родственник «ахиллесовой пяте». Есть параллели ему в эпических традициях монгольских народов. К примеру, подобный мотив представлен в письменной версии монгольской Гэсэриады: герой Сегельтей угощает скот у Рунсы из Сабского улуса; Рунса владеет каменным панцирем, но Сегельтей побеждает его, выстрелив по совету Гесера в луку седла [Гесериада 1935, 176–177].

Любопытно, что в одном из вариантов практически ту же самую хитрость использует противник героя Ишткин-Улан: после долгого боя, в котором их силы оказываются равны, он предлагает определить победителя по полету орла, якобы парящего у них над головами. Однако, когда Мазан-батыр поднимает глаза вверх, Ишткин-Улан вонзает ему в сердце кинжал (самому Мазану неуязвимость не приписывается). Однако ночью при свете звезд Мазан-батыр восстает из мертвых, догоняет Ишткин-Улана и отсекает ему голову стрелой [Семь звезд, 284–285].

Чудесное заживление ран, которое происходит, когда на небе зажигаются звезды, также является одним из сверхъестественных свойств, приписываемых Мазан-батыру. Оно присутствует не только в прозаических повествованиях, но и в поэтических текстах. Одно из таких — полевая запись автора настоящей статьи:

*Марлын чикн адута,
Буурин зогдр сахлта,
Бодңгин соя шүдтэ,
Одн күүцлэ — бүрлэд
Очра көвүн Мазн баатр*
(Имеющий табун коней с маральими

ушами,
Имеющий гриву, как у верблюда-самца,
Имеющий клыки, как у вепря,
Чьи раны зарастают, когда зажигаются
звезды,

Сын Очира Мазан-батыр)⁵
(Зап. от Бульжи Басанговны Лиджи-Горяевой, 1930 г. р. (урож. пос. Шаха), пос. Яшкуль, Яшкульский р-н, Республика Калмыкия. 2015 г.) [ПМА].

Фигурирует данная особенность и в фольклорной версии о смерти Мазана. В одном из вариантов предания говорится, что у побежденного героем противника осталось двое сыновей, которые выросли и тоже стали могучими богатырями. Им удалось убить Мазана, после чего они сбросили его тело в колодец. Тот воскрес, но дети противника, узнав о его чудесном исцелении от «пленной черкешенки», вернулись и сумели окончательно убить его, разрезав тело на куски [Семь звезд 2007, 282–283].

Возвращаясь к поэтическому восхвалению Мазана, можно сказать, что подобные тексты близки эпической традиции как по форме, так и по содержанию. Процитированный выше текст схож с эпическим славословием, а сам герой предстает великаном, существом гипертрофированной телесности, что в целом характерно для эпической поэзии. Близким примером является Гүзэн Гүмб, один из богатырей Джангара, о котором говорится, что он, сидя, сжавшись, занимает место двадцати пяти человек, а расположившись вольготно — пятидесяти, а также сообщается, что «жир в тридцать три слоя у него» [Джангар 1988, 24]. Исполинский размер приписывается Мазану и в прозаических сюжетах: так, в одном случае противник героя узнает о его приезде по тому, что, когда тот спешивается, дрожит земля [Семь звезд 2004, 280].

В поэтических текстах Мазан может выпренно именоваться вепрем (*бодң*) [Биткеев 2005, 22], что также устойчиво

⁵ Перевод Б. Ю. Сеглеева.

обозначает эпического героя. Подобное встречается в Джангаре (в частности, в песне о богатыре Санале [Джангар 1990, 117]) и в прозаических калмыцких текстах о Гэсэр-богдо, чьи богатыри устойчиво называются «тридцать пять вепрей» [Алтн зүн-темн 1995, 107–118].

Часто встречается в цикле Мазан-батыра и мотив отсечения головы стрелой. Помимо упомянутых нами ранее примеров, существует отдельный сюжет, в котором герой заманивает своих противников (обозначенных обезличенно «*дээн*» (враги) на узкую тропинку в густом лесу, и, когда те выстраиваются в ряд, одним выстрелом отсекает им всем головы [Горяева 2004, 51]. Устойчивость и некоторая фантастичность этого мотива заставляют предположить, что он также является частью легендарного образа героя, характеризуя его необычайную меткость и силу.

В текстах выделяется и само оружие Мазана. В ряде вариантов упоминаются душа-стрела «*амин-сумун*» [Семь звезд 2004, 287] или огненный лук под названием «Личная стража» («*эмни⁶ сэкул*» *гидг хал садгаан*)» [Памятники 2015, 182]. Лук, как уже упоминалось ранее, может быть тесно привязан к детству героя и, как и он сам, отличаться исполтинскими размерами. Очевидно, что это неслучайно, а указывает на существование представлений, связанных с луком героя.

Сверхъестественные черты в образе героя наиболее полно выступают в контексте ритуально-магических практик. В рассматриваемом материале есть короткий текст, который члены родовой группы *шар меркит* произносили для защиты от удара молнии во время ненастья, обращаясь к Лу — мифологическому дракону, считавшемуся источником грозы:

Джахо, Джахо!

Ясн мини — шар меркд!

Ора мини — даагн!

Нойн мини — Мазн Баатр!

(Джахо, джахо!)

Мой род — шар меркит (желтые меркиты)!

Мой герб — годовалый верблюжонок!

Мой нойон — Мазан-батыр!]

[Васькин 1997, 81]

Этиологическая легенда о происхождении этого текста рассказывает о неудачных попытках владыки загробного мира Эрлик-хана убить героя. Дважды тот посылает к Мазаном своих слуг-шулмузов, но тому удается перехитрить их: в первом случае он притворяется спящим и, уловив момент, ошпаривает посланцев кипящим бульоном, во втором — притворяется мертвым и те уходят ни с чем. После этого Эрлик заручается помощью грозового дракона Лу, но герой побеждает его, а затем заставляет пообещать, что молния впредь не будет вредить подданным Мазана и их потомкам [Там же, 81–84].

Структура сюжета данной легенды во многом соответствует сказочному типу АТУ 934 (Predestined Death), где потусторонние силы пытаются забрать жизнь у обреченного человека, а тот защищается от них. Однако в сказке герой обычно спасается от предсказанной судьбы благодаря помощи другого персонажа. В частности, в калмыцкой сказке «Старик Мёнгн Оргч, живущий в стране хана Алтан Оргч», относящейся к данному сюжетному типу, Эрлик-хан также пытается забрать жизнь героя, которому предсказана смерть на семнадцатом году жизни. Спаситься тому помогает один из музыкантов царя загробного мира в благодарности за то, что герой сначала похоронил его тело, а затем подарил лошадь [Алтн зүн-темн 1995, 103–107].

Мазан-батыр же узнает о замыслах Эрлика благодаря своему геройскому ясновидению (еще одно чудесное свойство эпического героя; таким же, к примеру, обладает Гэсэр-хан), способен взять верх над шулмусами придумывает сам и, наконец, побеждает Лу благодаря своим геройским умениям и силе богатырского коня. Таким образом, легенда о Мазан-батыре, заимствуя основные элементы сказочного сюжета, реализует его в героико-эпической манере.

Само поверье о том, что в представителях племени меркит не бьет молния, не обязательно связывается с Мазан-батыром и, по всей видимости, является более древним, чем фольклорные произведения о нем, восходя корнями к добуддийским

⁶ Слово *эмни* (личный) похоже на *эмн* (душа, жизнь, дыхание). Возможно, лук должен называться «Страж души», по аналогии со стрелой.

верованиям. Однако тот факт, что сюжет о нем стал одной из этиологических легенд, объясняющих данное свойство, указывает на присутствие в его образе потенциций сверхъестественного существа.

К подобному представлению можно привести параллели из области так называемой «эпической мифологии», — идея о том, что герой эпоса является не просто выдающимся человеком прошлого, но и незримо присутствует в настоящем, особенно во время исполнения произведения о нем. У калмыков, в частности, бытует легенда о тонущем рыбаке, который перед лицом смерти начинает петь эпос о Джангаре и оказывается спасен богатырями [Бакаева 2003, 60–61]. Известно также, что исполнение песен-посвящений выдающимся личностям на свадьбе может иметь охранную функцию: якобы они стали духами-покровителями («сэкусн») родов или народа в целом [Борджанова 2007, 217].

Мазан-батыр является одним из подобных хранителей. Существует легенда о его детстве, когда он был назван сякюсеном уже при жизни, в десятилетнем возрасте, выбрав себе богатырского коня и проявив особые качества. Один из уважаемых членов общества адресовал ему следующее благопожелание:

Хальмг Таңгин сэкусн өриэж,
Кун кулг хойр негн болж,
Улан залата хальмгин нериг
Улм өөдлүлж йовхдн,
Олн бурхд нөкд болтха.
Мазн баатр бол.
Маңнадан кезэ чигн нарта,
Одн бурдхлэ эмдрдг,
Очра көвун Мазн бол
 (Пусть возвысится сякюсен — хранитель калмыков,
 Человек и богатырский конь стали едины,
 Пусть возвысится имя калмыков,
 Носщих шапки с красной кисточкой,
 Пусть их возвышению
 Покровительствуют множество бурханов.
 Имя твое пусть будет Мазан-батыр,
 Пусть твой лоб будет освещен солнцем,
 Сын Очира Мазан-батыр,
 Оживающий с появлением звезд на небе)
 [Там же, 302].

Как можно заметить, данный текст содержит упоминания о способности

оживать и довольно близок песням о герое. Однако произведение посвящено не восхвалению героя, а отражает приобретение Мазаном определенного сверхъестественного статуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, мы можем с уверенностью сказать, что черты эпического творчества пронизывают практически все фольклорные произведения, посвященные Мазан-батыру. На текстовом уровне они могут проявляться в выборе достаточно специфической лексики и применении сходных типовых фраз. Явно подобны эпосу и некоторые из поэтических текстов, в частности, те краткие характеристики героя, в которых перечисляются его основные свойства. На уровне сюжета сходство прослеживается в использовании собственных эпосу сюжетно-мотивных комплексов (детство героя, противоборство с другим героем) либо в преобразовании сюжетов на героический манер. Кроме того, история проникает в фольклорную биографию Мазан-батыра тем же путем, который обычно ведет к формированию классического эпоса. Произведения о нем и его фольклорный образ могут играть определенную роль в религиозно-магических практиках.

Это, разумеется, не значит, что цикл произведений о Мазане является какой-то необычной формой эпоса, однако указывает на достаточно глубокую связь между этими двумя явлениями традиционного фольклора калмыков. Возможно, перед нами своего рода протоэпос, который при определенных условиях мог бы окончательно принять развернутую поэтическую форму.

Помимо близости к эпосу, другой важной особенностью цикла является высокая степень согласованности сюжетных элементов произведений различных жанров. К примеру, Мазан-батыр описывается как великан в песнях, и эта же его черта обыгрывается в сюжете одного из преданий. Другое предание говорит об особенной судьбе героя, а в актуальных верованиях он воспринимается как один из духов-покровителей. На наш взгляд, все это указывает на существование некоего наджанрового ядра представлений о Мазане, которое проявляется по-разному в различных произведениях

о нем. Центральной, по-видимому, является его роль могучего защитника — именно это воспевается в песнях, об этом

повествуется в прозе, и, наконец, такую же роль он играет в актуальных верованиях и магических практиках.

Литература

Алтн зун-темн 1995 — Алтн зун-темн. Золотая игла: Сказки / Сост. Э. К. Лиджиев. Элиста, 1995.

Бакаева 2003 — Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003.

Басаев 2004 — Басаев Д. Э. Легендарный воин, сказочный богатырь // Известия Калмыкии. 2004. 16 ноября.

Батмаев 1985 — Батмаев М. М. Мазан-батыр: легенды и действительность // Теегин герл (Свет в степи). 1985. № 6. С. 110–112.

Биткеев 2005 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста, 2005.

Борджанова 2007 — Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Элиста, 2007.

Васькин 1997 — Васькин С. Легенда о Мазан-баатаре // Теегин герл (Свет в степи). 1997. № 8. С. 81–84.

Гесериада 1935 — Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти сторонах света / Пер., вступ. ст. и коммент. С. А. Козина. М.; Л., 1935.

Горяева 2004 — Горяева Б. Б. Легенды и предания о Мазан-батыре // Мазан-батыр: известный военачальник XVII века и легендарный герой калмыцкого народа: Матер. науч.-практ. конф., посв. 350-летию со дня рождения / Науч. ред. В. Б. Убушаев, М. С. Горяев. Элиста, 2004. С. 46–53.

Джангар 1990 — Джангар: Калмыцкий героический эпос / Сост., коммент. Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова; Пер. Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова и др. М., 1990.

Джангар 1988 — Джангар: Калмыцкий народный героический эпос: Эпический репертуар Мукебюна Басангова. Элиста, 1988.

Жирмунский 1962 — Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962.

Златкин 1983 — Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней. В 3 т. Т. 1. Элиста, 2009.

Калмыцкое 2007 — Калмыцкое устное народное творчество / Предисл., вступ. ст., коммент., подгот. текстов Н. Ц. Биткеева. Элиста, 2007.

Кичиков 1964 — Кичиков М. Л. О калмыцком герое Мазан-Батыре // Записки КНИИ-

ЯЛИ. Серия историческая. Вып. 4 / Под ред. Б. С. Санджиева. Элиста, 1964. С. 74–77.

Коростин 1943 — Коростин А. Ф. Начало литографии в России. М., 1943.

Мазан-батыр 2004 — Мазан-батыр: известный военачальник XVII века и легендарный герой калмыцкого народа: Матер. науч.-практ. конф., посв. 350-летию со дня рождения / Науч. ред. В. Б. Убушаев, М. С. Горяев. Элиста, 2004.

Маннапов 2008 — Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Заволжье // Известия АлтГУ. 2008. № 3–4.

Мелетинский 1968 — Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Неклюдов 2003 — Неклюдов С. Ю. Типология и история в памятниках героического эпоса // The Armenian Epic “Daredevils of Sassoun” and the World Epic Heritage. 4–6 November. Tsakhkadzor, Yerevan, 2003. P. 17–24. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov18.htm> (дата обращения: 16.04.17).

Неклюдов 2015 — Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М., 2015.

Оконов 1984 — Оконов Б. Б. Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984. С. 30–58.

Очиров 2006 — Очиров Н. О. Живая старина. Из литературного наследия / Сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста, 2006.

Памятники 2015 — Памятники фольклора монгольских народов: В 10 т. Т. IV: Легенды и предания / Гл. ред. Н. Ц. Биткеев. М., 2015.

Семь звезд 2004 — Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / Сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста, 2004.

Смирнов 2010 — Смирнов Ю. И. Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.

Соловьев 1961 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1961.

Сян-Белгин 1969 — Сян-Бельгин Х. Б. Сунһнш шулгуд болн поэм. Элиста, 1969.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аспирант отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: jingnh@mail.ru

MAZAN BATYR — AN EPIC HERO OF THE KALMYK FOLKLORE

BORIS SENGLEEV

(Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences: 25a,
Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *This study is dedicated to the folklore rendition of Mazan-batyr, historical figure from the 17th century, famous Kalmyk ruler (holding dignity of "taishi") and military commander, whose life and deeds formed subject of a substantial body of folklore items. Genre affiliation of studied texts varies from the legends and historical folk songs to text items belonging to the area of rituals and magic; all of them are viewed as a single cycle.*

The focus of this paper lies on identification of various common points between the cycle of Mazan-batyr and epic tradition in general, including comparison with Kalmyk Jangar and different Mongolian epics. Main points of analysis are: "hero's childhood", power struggles over a herd of special horses, attempts to see reflexes of historical conflicts in the folklore. Additionally, consideration is given to persistent qualities of hero's folklore image, such as his usual way of action, weapons and supernatural abilities.

Basing on features revealed, it's concluded that the qualities pertaining epic poetry are abundant in the cycle of Mazan-batyr, and that his portrayal is rather consistent across the various texts. This hints existence of "common core" of folk beliefs, which manifests in all genres in one way or another.

Key words: *Kalmyks, epics, legends, folk songs, Mazan-batyr.*

References

- Bakaeva E. P.** (2003) Dobuddiyskie verovaniya kalmykov [Pre-Buddhist beliefs of the Kalmyks]. Elista. In Russian.
- Basaev D. E.** (2004) Legendarnyy voyn, skazochnyy bogatyr' [Legendary warrior, Bogatyr' the hero of fairy-tales]. *Izvestiya Kalmykii* [Bulletin of Kalmykia]. 2004. 16th of November. In Russian.
- Basaev D. E.** (comp., transl., pref., comm.) (2004) Sem' zvezd: Kalmytskie legendy i predaniya [Seven stars: Kalmyk legends and narratives]. Elista. In Russian.
- Batmaev M. M.** (1985). Mazan-batyr: legendy i deystvitel'nost' [Mazan-batyr: legends and reality]. *Teegin gerl* (Svet v stepi) [Steppe light]. 1985. No. 6. Pp. 110–112. In Russian.
- Bitkeev N. Ts.** (2005) Kalmytskiy pesenny fol'klor [Kalmyk song folklore]. Elista. In Russian.
- Bitkeev N. Ts.** (pref., comm., text prep.) (2007) Kalmytskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo [Kalmyk oral folk creativity]. Elista. In Kalmyck and in Russian.
- Bitkeev N. Ts.** (ed.) (2015) Pamyatniki fol'klora mongol'skikh narodov [Folklore monuments of Mongolian nations]. In 10 vol. Vol. IV: Legendy i predaniya [Legends and narratives]. Moscow. In Russian.
- Bitkeev N. Ts., Ovalov E. B.** (comp., comm., transl.) (1990) Dzhangar: Kalmytskiy geroicheskiy epos [Jangar: Kalmyk heroic epics]. Moscow. In Russian.
- Bordzhanova T. G.** (2007) Obryadovaya poeziya kalmykov [Ritual poetry of the Kalmyks]. Elista. In Russian.
- Goryaeva B. B.** (2004) Legendy i predaniya o Mazan-batyre [Legends and tales about Mazan-batyr]. In: Mazan-batyr: izvestnyy voenachal'nik XVII veka i legendarnyy geroy kalmytskogo naroda [Mazan-batyr: a famous military commander of the 17th century and the legendary hero of the Kalmyk people]. Mater. nauch.-praktich. konf., posv. 350-letiyu so dnya rozhdeniya [Mat. of the sc.-pract. conf., dedicated to the 350th anniversary since birthday]. Ed. by V. B. Ubushaev, M. S. Goryaev. Elista. Pp. 46–53. In Russian.
- Dzhangar: Kalmytskiy narodnyy geroicheskiy epos: Epicheskiy repertuar Mukeybyuna Basangova [Jangar: Kalmyk oral heroic epics: Epic repertoire of Mukeybyun Basangov]. Elista. In Russian.
- Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen i do nashikh dnei [History of Kalmykia since ancient times up to nowadays] (2009). In 3 vol. Vol. 1. Elista. In Russian.
- Kichikov M. L.** (1964) O kalmytskom geroe Mazan-Batyre [About Kalmyk hero Mazan-Batyr]. *Zapiski KNIIYaLI* [Proceedings of the Kalmyk Research Institute for Studies of language, literature and history]. Historical series. Issue 4. Ed. by B. S. Sandzhiev. Elista. 1964. Pp. 74–77. In Russian.
- Korostin A. F.** (1943) Nachalo litografii v Rossii [Beginning of lithography in Russia]. Moscow. In Russian.
- Kozin S. A.** (transl., pref., comm.) (1935) Geseriada. Skazanie o milostivom Geser Mergenkhane, iskorenitele desyati zol v desyati storonakh sveta [Epics of Gezar. Tale about Gesar Mergenkhane]. Moscow. In Russian.

Chagan, the liquidator of ten evils in ten corners of the world] Moscow; Leningrad. In Russian.

Lidzhiyev E. K. (comp.) (1995). *Altn zyn-temn. Zolotaya igla: Skazki* [Golden needle: Folk-tales]. Elista. In Russian and in Kalmyck.

Mazan-batyr: izvestnyy voenachal'nik XVII veka i legendarnyy geroy kalmytskogo naroda [Mazan-batyr: a famous military commander of the 17th century and the legendary hero of the Kalmyk people]. Mater. nauch.-praktich. konf., posv. 350-letiyu so dnya rozhdeniya [Mat. of the sc.-pract. conf., dedicated to the 350th anniversary since his birthday]. Ed. by V. B. Ubushaev, M. S. Goryaev. Elista. In Russian.

Mannapov M. M. (2008) K voprosu o mezhethnicheskikh kontaktakh i letnikh kochevskikh bashkir i kalmykov v XVII v. v Stepnom Zavolzh'e [To the question about inter-ethnic contacts and summer nomadic camps of the Bashkirs and the Kalmyks in the 17th century at Steppe Trans-Volga]. *Izvestiya AltGU* [Bulletin of the Altai State University]. 2008. No. 3–4. In Russian.

Meletinskiy E. M. (1968) «Edda» i rannye formy eposa [Edda and early epic forms]. Moscow. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2003) Tipologiya i istoriya v pamyatnikakh geroicheskogo eposa [Typology and history in the monuments of heroic epics]. In: *The Armenian Epic “Daredevils of Sassoun” and the World Epic Heritage* (4–6 November). 2003. Yerevan. Pp. 17–24. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov18.htm> (retrieved 16.04.2017). In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2015) Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya [Poetics of epic narration: space and time]. Moscow. In Russian.

Okonov B. B. (1984) Kalmytskie narodnye istoricheskie pesni XVII—XVIII vv. [Kalmyk folk historical songs of the 17th — the 18th centuries]. In: *Kalmytskaya narodnaya poeziya* [Kalmyk folk poetry]. Elista. Pp. 30–58. In Russian.

Ochirov N. O. (2006) Zhivaya starina. Iz literaturnogo naslediya [Alive antiquity. From literature heritage]. Comp., pref., comm. by B. A. Bicheev. Elista. In Russian.

Syan-Belgin Kh. (1969) Sunhsn shulgud boln poem [Selected poems]. Elista. In Kalmyk.

Smirnov Yu. I. (2010) Byliny. Ukazatel' proizvedeniy v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh [Bylina epics. Index of specimen in their variants, versions and contaminations]. Moscow. In Russian.

Solov'ev S. M. (1961) Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since ancient times]. Book VI. Vol. 11–12. Moscow. In Russian.

Vas'kin S. (1997) Legenda o Mazan-baatare [Legend about Mazan-Baatar]. *Teegin gerl* (Svet v stepi) [Steppe light]. 1997. No. 8. Pp. 81–84. In Russian.

Zhirmunskiy V. M. (1962) Narodnyy geroicheskyy epos [Folk heroic epics]. Moscow, Leningrad. In Russian.

Zlatkin I. Ya. (1983) Istoriya Dzhungarskogo khanstva [History of Dzungar Khanate]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: jingnh@mail.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Postgraduate, Folklore Department, Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences
